

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.)

ФЕВРАЛЯ 15. № 4. 1884 ГОДА.

ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ ВОСПИТАННИКАХЪ ВОЛОГОДСКОЙ СЕМИНАРИИ.

Въ воскресенье, 18 Декабря, минувшаго 1883 года, въ часть по полудни, въ актовомъ залѣ вологодской семинаріи, происходило общее собраніе членовъ Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ семинаріи, по случаю шестой годовщины Попечительства, открытаго 12 Декабря 1877 года. Собранію предшествовала литургія въ семинарской церкви, отслуженная о. ректоромъ семинаріи, въ присутствіи учащихся и учащихся. Къ часу пополудни собрались въ семинарскую залу всѣ воспитанники и наставники семинаріи, члены попечительства и посторонніе посѣтители, заранѣе приглашенные особыми повѣстками. По прибытіи Его Преосвященства, пѣвчіе сперва пропѣли „Царю небесный“, потомъ концертъ „Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой“. За тѣмъ, по занятіи присутствовавшими мѣстъ, произнесена была преподавателемъ семинаріи Г. И. Можаровымъ рѣчь „о высшемъ мотивѣ благотворительности“ (*); въ срединѣ рѣчи исполненъ концертъ „Блаженіе люди вѣдущіи воскликновеніе“, а по окончаніи ея—концертъ „Возведохъ очи мои въ горы“. Вслѣдъ за тѣмъ дѣлопроизводителемъ Попечительства преподавателемъ семинаріи В. С. Карповымъ, прочитанъ былъ отчетъ о дѣйствіяхъ Попечительства за прошедшій годъ. По окончаніи от-

(*) Рѣчь эта печатается въ семъ №.

чета пропѣто стихотвореніе „Отцу небесъ благодаренье“, а за тѣмъ гимнъ „Боже Царя храни.“ Въ концѣ собранія предложены были поѣвѣтелямъ подлисные листы для пожертвованій въ пользу Попечительства, по которымъ и собрано было 264 рубл. —

РѢЧЬ

о высшемъ мотивѣ благотворительности, сказанная въ день празднованія шестой годовщины Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Вологодской семинаріи, 18 декабря 1883 года.

Quae virtus et quanta, boni, sit vivere
Discite!

Herat.

Мм. Гг!

Мы собрались здѣсь для того, чтобы обозрѣть всекршій годъ дѣятельности нашего Попечительства и чтобы дать этому Попечительству новыя силы для продолженія его благотворительной дѣятельности въ наступившемъ году.

Эта официально-практическая сторона дѣла будетъ представлена почтенному собранію г. секретаремъ Попечительства. А отъ вашего, мм. гг., просвѣщеннаго и гуманнаго вниманія къ нуждамъ воспитанниковъ семинаріи будетъ зависеть усиленіе средствъ нашего молодаго благотворительнаго учрежденія. Я же съ своей стороны хочу указать вамъ, мм. гг., на внутреннюю сторону дѣла благотворительности и попрошу вашего благосклоннаго вниманія къ тѣмъ не многимъ соображеніямъ, которыя я рѣшился представить вамъ здѣсь относительно благотворительности, пользуясь минутами вашего общаго собранія для вышесказанной цѣли.

Тема для настоящей рѣчи мною взята: *о высшемъ мотивѣ благотворительности.*

Благотворительность представляет собой одну изъ формъ и притомъ одну изъ благороднѣйшихъ формъ нравственно-практической дѣятельности человѣка. Проявленіе такой дѣятельности свойственно человѣку на всѣхъ ступеняхъ развитія, человѣческаго духа. Но у разныхъ народовъ, какъ и у разныхъ индивидуумовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, благотворительность имѣетъ различную сферу приложенія и форму проявленія. Горецъ напр.—нашъ кавказскій горецъ—проявляетъ благотворительность въ широкомъ гостепріимствѣ: онъ можетъ и даже считаетъ своей священной обязанностью приютить и щедро одарить подарками и совершенно невѣстнаго ему гостя у себя въ хижинѣ и въ тоже время за порогами сакли, за предѣлами своего аула, находитъ возможнымъ ограбить своего недавняго гостя. Подобныя столкновенія и взаимныя противодѣйствія различныхъ движеній души въ одномъ и томъ же человѣкѣ бывають среди цивилизованныхъ и культурныхъ народовъ; только само собою разумѣется, что эти коллизіи и противорѣчія въ душевныхъ движеніяхъ проявляются здѣсь въ болѣе утонченныхъ и иногда едва уловимыхъ формахъ. Одни теченія духа противодѣйствуютъ другимъ; рядомъ съ проявленіемъ добра въ сердцѣ человѣка нерѣдко живетъ зло. Благотворительная дѣятельность подвержена тѣмъ же случайностямъ. Поэтому задача каждаго просвѣщеннаго общества и каждаго такового же индивидуума по отношенію къ благотворительности состоитъ въ томъ, чтобы практическое проявленіе этой дѣятельности регулировалось наиболѣе правильными и наиболѣе высокими мотивами. Общимъ мотивомъ благотворительности обыкновенно является бѣдственное положеніе нашего ближняго, нуждающагося въ помощи и проттекающее отсюда состраданіе и сочувствіе къ его положенію. Но это мотивъ внѣшній, объективный; благотворительность, вызываемая имъ, имѣетъ характеръ случайный, ограниченный и временный. Люди, руководящіеся въ своей благотворительной дѣятельности этимъ мотивомъ, отвѣчаютъ только на зрѣкъ бѣ-

двѣяка, поражаются только его наготой, его страданіями и дѣлаютъ это какъ будто бы только изъ желанія избавиться отъ этой непріятной картины, отъ этого непріятнаго раздраженія; въ себѣ же самихъ эти люди не имѣютъ точки опоры и побужденія къ благотворительности. Благотворительность, руководимая объективными мотивами, отличается ограниченнымъ и, такъ сказать, практическимъ характеромъ. Такая благотворительность проявляется частично, случайно, уживается рядомъ съ черствымъ и жестокимъ сердцемъ, не мѣшаетъ человѣку быть несправедливымъ, жить спокойно среди несчастныхъ, если только эти несчастные не лѣзутъ къ нему и не мозолятъ ему глаза. Не таковъ долженъ быть чистый, высшій характеръ благотворительности, исходящей изъ высшаго мотива. Высшій мотивъ благотворительности лежитъ въ благотворителѣ, въ самомъ субъектѣ благотворящемъ, а не внѣ его и состоитъ въ высокомъ духовномъ наслажденіи, которое испытываетъ благотворитель отъ дѣла благотворенія, въ постоянномъ стремленіи сердца къ добру, въ самоопредѣленіи сердца къ добру, которое становится наконецъ постоянною потребностью сердца. Такой мотивъ чуждъ соображеній расчета и практическихъ ограниченій. Движенія добраго, гуманнаго, человеколюбиваго сердца являются единственнымъ мѣриломъ и руководителемъ благотворенія при этомъ высшемъ мотивѣ благотворительной дѣятельности.

Но такое настроеніе сердца достигается чрезъ борьбу: благороднымъ и гуманнымъ порывамъ и стремленіямъ сердца противодѣйствуютъ движенія противоположнаго характера. Въ прямомъ противорѣчьи и антагонизмѣ съ благотворительною дѣятельностію стоитъ корыстолюбіе и скупость. Есть недугъ, егоже видѣхъ подъ солнцемъ, говоритъ Екклезіастъ, богатство хранимо отъ стяжателя во зло ему. Да, это недугъ, это болѣзнь, на которой останавливали свое вниманіе и противъ котораго боролись ученые, художники, поэты, моралисты, законодатели и всѣ благомыслящіе люди. Даже въ дикихъ и необразованныхъ народахъ скупость, алчность и жажда золота

вызывали негодованіе, презрѣніе и озлобленіе. Извѣстно, что знаменитый римскій богачъ и коммерсантъ М. Лиц. Крассъ, одинъ изъ членовъ перваго триумвирата, погибшій въ войнѣ съ Парезіанами, подвергся своеобразному мщенію: когда Парезіане побѣдили и захватили его въ плѣнъ, то залили ему ротъ ра-стоппленнымъ золотомъ за его ненасытное корыстолюбіе. Скупость, и алчность..... сколько отнимаютъ они силъ у человѣка, сколько дѣятелей у общества, сколько добра и правды у всего человѣчества! Одаренный свѣтлыми и благотворными дарами богоподобной природы, человѣкъ, когда имъ овладѣваетъ алчность, постепенно обращаетъ всѣ эти дары на служеніе одному низкому и постыдному чувству стяжанія. И умъ, и сердце, и воля,—все работаетъ на одно стяжаніе. Нѣтъ другихъ интересовъ, нѣтъ другихъ цѣлей, нѣтъ другихъ видовъ дѣятельности. Къ чему пытливый прозорливый умъ; къ чему сильная воля; къ чему впечатлительное и отзывчивое сердце? Гдѣ они, гдѣ эти прекрасные дары божественной природы? Въ машину превратились умъ и воля, въ камень превратилось сердце и куютъ они одно только золото. Созданный по образу Божію человѣкъ, будучи ослѣпленъ алчностью, забываетъ этотъ образъ. Уже не радуется онъ, взирая на ближняго, уже не видитъ въ немъ божественныхъ чертъ, не видитъ подобія своего, подобія Божія и удручается духъ его тайными замыслами, мрачною злобой, враждой и посягательствомъ на ближняго! Гдѣ же тотъ свѣтлый духъ любви къ ближнему, который по естественнымъ законамъ лежитъ въ природѣ каждаго живаго существа къ себѣ подобнымъ?! Забылъ стяжатель и не узнаетъ этого образа въ другихъ, утратилъ его и въ себѣ самомъ! И такъ одинъ, другой, третій и множество, великое множество несчастныхъ, которыми овладѣлъ ужасный недугъ, тѣхъ несчастныхъ, которые послужили прототипами мрачныхъ образовъ, созданныхъ многими и многими художниками. Сколько тратится энергій, сколько уходитъ ума у этихъ людей на приобрѣтеніе капиталовъ, а не на открытіе нравственныхъ источниковъ наслажденія и облагоро-

женіе жизни! Страшно подумать, до чего доходить, какъ принимаетъ формы это состояніе личности. Озлобясь и становясь въ антагонизмъ сначала съ обществомъ, потомъ съ близкимъ кругомъ родныхъ и семейныхъ, скряга въ концѣ концовъ становится врагомъ и мучителемъ самого себя. Онъ глухъ и нѣмъ не только къ требованіямъ общества, не только къ просьбамъ и мольбамъ родныхъ и близкихъ, но и къ потребностямъ собственной своей природы. Золото становится для него кумиромъ: ему онъ покланяется, ему приноситъ въ жертву свои силы и способности, въ угоду ему убиваетъ въ себѣ одну за другой естественныя потребности своей природы. Никакія жестокости ему не страшны, никакія лишенія ему не тягостны, лишь бы росъ и увеличивался лелѣемый и нѣжно хранимый имъ капиталъ! Такъ сначала онъ забываетъ и попираетъ все божеское, потомъ все человѣческое и становится хуже звѣря; мраченъ и жестокъ изживаетъ онъ свой вѣкъ въ подвалахъ и кладовыхъ, ни на минуту не разставаясь съ своими сокровищами и въ смертный часъ бросается онъ на свои сундуки и ухватившись за скобы этихъ сундуковъ испускаетъ свой послѣдній вздохъ, представляясь въ такомъ положеніи взору человѣческому и суду божественному!

Ужасная картина и эта картина не естъ вымыселъ, не произведение фантазіи, а дѣйствительная жизнь. Недавно въ одной изъ московскихъ газетъ было печатано о такой именно смерти богача К—ева, оставившаго послѣ себя не одинъ десятокъ милліоновъ рублей. Это ли богатство не во зло стяжателью!

И къ стыду, и величайшему несчастію человѣчества, эта страсть къ деньгамъ налагаетъ свою жесткую руку, свою безнравственную печать не только на отдѣльныя личности, но и на цѣлыя народы. Не отдѣльныя только личности, но и цѣлыя народы покланяются золотому тельцу, золотому кумиру. Не тому тельцу, которому покланялись Евреи въ пустыняхъ арабійской въ дни своего отступничества отъ истиннаго Бога, не тому образу златому, которому покланялся могуществен-

ный Вавилонъ на полѣ Деирѣ: нынѣшніе народы создали свой кумирь. Тогда слѣпые и невѣжественные народы превращались или, лучше сказать, воплощали бога въ золотого тельца; нынѣ золотого тельца возвели на степенъ божества; это еще ужаснѣе, и неизмѣримо безнравственнѣе. Но что другое, какъ не поклоненіе золотому тельцу видимъ мы у многихъ и многихъ просвѣщенныхъ и передовыхъ современныхъ народовъ Европы и Америки? Германія давно объявила девизомъ внѣшней политики принципъ: „*Beati possidentes*“, и кромѣ расчета ничѣмъ не хочетъ руководиться въ международныхъ отношеніяхъ. Главный руководитель ея политики давно уже называется маклеромъ. И никому это не претитъ, ничье нравственное чувство не оскорбляется этимъ. А Англія!... Что такое ея политика въ Египтѣ и Индіи, какъ не чистая, ничѣмъ не прикрытая эксплуатація? Вся эта политика имѣетъ въ виду только одну цѣль—извлеченіе наибольшихъ капиталовъ, наибольшихъ матеріальныхъ сокровищъ изъ этихъ богатыхъ естественными произведеніями странъ. И такой политики держится образованнѣйшая въ свѣтѣ страна. И эта эксплуатація возводится въ принципъ. Мы живемъ въ періодѣ господства грубой силы, но не той грубой силы, которая дѣйствовала и господствовала когда-то въ давнія времена, а въ періодъ господства грубой силы, прикрытой и вооруженной интеллектомъ. Самымъ ужаснымъ, самымъ яркимъ признакомъ нашей теперешней безнравственности и безсердечности нужно считать именно то явленіе, что интеллектъ служитъ и работаетъ на пользу грубой силы. Происходитъ это отъ преобладанія чувственныхъ интересовъ надъ духовными. Несомнѣнно, что такое состояніе временно и свидѣтельствуетъ только о несовершенствѣ современной культуры. Стремленіе къ захвату, къ преобладанію чисто физическому съ цѣлю извлеченія однихъ только матеріальныхъ выгодъ безъ сомнѣнія есть признакъ невысокой культуры и въ тоже время это есть признакъ нашего времени. Несомнѣнно, что человѣчество со временемъ — и можетъ быть даже въ скоромъ времени — отступится отъ

этихъ безнравственныхъ принциповъ въ пользу болѣе возвышенныхъ и чуждыхъ матеріальности. Но въ настоящее время инстинкты преобладаютъ надъ сознательными стремленіями, личныя эгоистическія стремленія надъ общественными, чувственныя, матеріальныя надъ духовно-нравственными. Возмутительно и унижительно положеніе личности человѣческой, которая сознаетъ рабство и подчиненіе чувственности и не въ состояніи сбросить съ себя цѣпей этого рабства. И этому рабству подчинены не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя народы. Ужели величіе духа человѣческаго должно проявляться только въ изысканіи физическихъ удобствъ и матеріальныхъ благъ жизни?!... Конечно нѣтъ; но мы пока находимся въ такомъ періодѣ цивилизаціи, что не стыдимся сознательно и несознательно истину приносить въ жертву практическому матеріализму. Разъ поступившись высшими принципами, разъ сдѣлавъ уступку матеріализаціи, мы впали въ нравственно постыдное состояніе слѣпаго себялюбія, эксплуатаціи и безсердечія въ отношеніи къ себѣ подобнымъ. Этотъ эгоизмъ и безсердечіе, обнаруживаемые Германіей и Англійей во внѣшней политикѣ, въ Америкѣ проявляются во внутренней государственной жизни. Не смотря на то, что тамъ и Правительство не знаетъ куда дѣваться съ золотомъ, и частныя лица соединяютъ въ однихъ рукахъ такія богатства, которымъ равныхъ нѣтъ во всей Европѣ, не смотря на все это, въ Америкѣ бѣдный поденщикъ, почему-либо не получившій въ извѣстный день работы, вынужденъ бываетъ голодать и если это голоданіе продолжится нѣсколько дней, то хоть и умирать съ голоду. Ничья рука не протянется къ нему съ помощью; таковы нравы и даже законы Америки. Скажутъ: этимъ устраняется лѣность и поощряется трудолюбіе. Это, положимъ, вѣрно, но каковы движенія сердца у этихъ поощрителей, каковъ уровень любви къ ближнему, каковъ вообще характеръ всей американской цивилизаціи, если при этой цивилизаціи такъ мало гарантирована и защищена индивидуальная жизнь! Это показываетъ, что въ американской цивилизаціи личность

поглощается и приносится въ жертву принципамъ. Но такая философія ошибочна: не личность существуетъ для государства, а государство для личности, не человѣкъ для принципа и идеи, а принципъ и идея для человѣка. Не человѣкъ субботы ради, а суббота человѣка ради. Общество не идетъ на помощь къ личности, и личность, предоставленная однимъ своимъ собственнымъ силамъ, погибаетъ среди богатаго общества, остающагося безучастнымъ, холоднымъ, зрителемъ тяжелой, нищенской смерти индивидуума. Каждому до себя, а до другихъ нѣтъ дѣла! Это страшная и непростительная ошибка цивилизаціи. Но такое состояніе умовъ и цивилизаціи безъ сомнѣнія временно, „пока, какъ выражается Достоевскій, не заключился періодъ человѣческаго уединенія, какое теперь царствуетъ вездѣ и особенно въ нашемъ вѣкѣ. Ибо всякій-то теперь стремится отдѣлнить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изъ всѣхъ его усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство, ибо вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ въ совершенное уединеніе. Ибо всѣ-то въ нашъ вѣкъ раздѣлились на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другаго отдалается, прячется и что имѣетъ, прячетъ и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ. Копить уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ я теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ бузумный, что чѣмъ болѣе копить, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣлился единицей, приучилъ свою душу не вѣрить въ людскую помощь, въ людей и человѣчество, и только и тренещетъ того, что пропадутъ его деньги и приобрѣтенныя имъ права его. Повсемѣстно кнѣзь умъ человѣческой начинаетъ насмѣшливо не понимать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ не въ личномъ уединенномъ его усилии, а въ людской общей цѣлостности. Но непременно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ не

естественно отделились одинъ отъ другаго. Таково уже будеть вѣяніе времени и удивятса тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣта не видѣли. Нынѣ же вмѣсто свободы впади въ рабство, а вмѣсто служенія братолюбію и человѣческому единенію, впади напротивъ въ стѣдиненіе и уединеніе. Въ уединеніи современный человѣкъ и какое ему дѣло до цѣлаго. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше.“ (*) Крайне индивидуализирующійся духъ становится въ противодѣйствіе и борьбу съ обществомъ и, обезсиленный этой борьбой, истощается и гибнетъ. Человѣкъ можетъ жить только съ обществомъ при дружномъ содѣйствіи и взаимодѣйствіи съ собой подобными. Уклоненіе отъ этого принципа показываетъ недостатокъ и отсутствіе цѣлостнаго міросозерцанія, универсальнаго самосознанія духа. Этотъ недостатокъ универсальнаго самосознанія духа можно наблюдать какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, чѣмъ и объясняются вышеуказанныя антиблаготворительныя и антиобщественныя явленія, т. е. уклоненія особей и народовъ отъ любви къ ближнему. Это обособленіе есть болѣзненное состояніе духа. Такому духу, не расширяющемуся до всеобъемлющей любви ко всему человѣчеству, а замыкающемуся въ себя и постепенно стѣсняющему и суживающему свой кругозоръ, грозитъ неминуемое обезсиленіе, истощеніе и смерть. Будетъ ли это духъ индивидуума или цѣлаго народа, это все равно: законъ развитія духа одинаковъ какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлой націи. Захватъ, алчность, матеріальность, въ какихъ бы грандіозныхъ и повидимому легальныхъ формахъ ни проявлялись, всегда ведутъ къ внутреннему, нравственному обезсиленію и паденію, потому что всякое такое проявленіе узкаго эгоизма есть узурпація высшихъ законовъ, установленнымъ Виновникомъ всякаго бытія. Нельзя представить себя, нельзя подумать, душа человѣческая содрагается при мысли, будто вселенная съ ея богатыми дарами создана

(*) Братья Карамазовы, т. I, стр. 476—477 и 493.

и предназначена въ обладаніе однихъ преимущественно предъ другими. Нѣтъ, этого нельзя допустить; это было бы нарушеніемъ правды Божіей. Да не подумаетъ кто, что мы разумѣемъ это въ смыслѣ какой-нибудь узкой соціальной доктрины; отнюдь нѣтъ, мы говоримъ это въ болѣе глубокомъ и чисто философскомъ смыслѣ. Мы прямо заявляемъ, что преимущественное и преобладающее положеніе однихъ надъ другими въ соціальномъ строѣ человѣческой жизни или, говоря прямѣе, власть однихъ и подчиненіе другихъ есть не какое-нибудь временное, историческими условіями и причинами вызванное состояніе человѣчества, а необходимѣйшій законъ, истекающій изъ сущности природы человѣка и всего міра. Но въ томъ и красота замысла и величіе идеи, лежащей въ основаніи человѣческой нравственности, что могущественные, сильные, богатые, властные должны служить всеми своими преимущественными силами и средствами немощнымъ, слабымъ, бѣднымъ и подчиненнымъ, какъ и предписываетъ Евангеліе: большій изъ васъ да будетъ всемъ слуга. Въ этомъ все *движеніе* нравственности, вся сущность нравственности, безъ этого нравственность была бы немыслима, невозможна; т. е. сумма счастья и наслажденія жизни у сильныхъ и богатыхъ, не смотря на избытокъ средствъ, должна быть одинакова какъ у слабыхъ и бѣдныхъ. Вотъ въ чемъ истина, вотъ въ чемъ основной законъ нравственности. Если мы здѣсь въ этомъ мірѣ только гости, пришельцы и притомъ не долгіе, и если наша жизнь есть песчинка и даже нѣчто неизмѣримо меньшее песчинки въ сравненіи съ общею міровою жизнью; то понятно, что мы никогда и ни въ чемъ ни на шагъ, ни на іоту не должны забывать и упускать изъ виду этого міроваго теченія, этой общемировой задачи и должны напротивъ постоянно помнить, что наша личная жизнь получаетъ смыслъ и нравственное значеніе только въ этой общей міровой жизни, въ гармоніи съ нею.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

цѣлебномъ источникѣ при Корниліево-Комельскомъ монастырѣ Вологодской епархіи

Въ № 16 Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1883-й годъ помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: „Леченіе въ Корнильевомъ монастырѣ,“ въ которой сообщается объ излеченіи водою источника при этомъ монастырѣ одного больнаго, (*) не получившаго ранѣе исцѣленія, не смотря на самое энергическое примѣненіе различныхъ врачебныхъ пособій въ теченіи трехъ лѣтъ.

Нисколько не сомнѣваясь въ возможности такого факта, (исключая развѣ того, что прибыль вѣса больнаго въ теченіи 30 дней въ 20 фунтовъ (**)) очевидно ошибка вслѣдствіе неправильной установки десятичныхъ вѣсовъ), я тѣмъ не менѣе, какъ врачъ, знакомый съ дѣйствиемъ водъ при Корнильевомъ монастырѣ, на основаніи двухлѣтнихъ наблюденій на нѣсколькихъ десяткахъ больныхъ, считаю нравственной обязанностію сдѣлать по поводу этого обстоятельства нѣсколько замѣчаній. Фактъ, преданный гласности путемъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, несомнѣнно сдѣлается достояніемъ не одного только духовенства Вологодской губерніи и интеллигентнаго городского населенія, но, между прочимъ, и массы простаго народа, который постоянно находится въ общеніи съ духовен-

(*) Названіе болѣзни въ замѣткѣ очень неопредѣленно. Болѣзнь, по мнѣнію врачей, (говоритъ авторъ замѣтки) была—острое воспаленіе дыхательныхъ органовъ, вслѣдствіе сильнаго развитія горлового катарра. произведеннаго нервное воспаленіе.

(**) Въ замѣткѣ сказано: „Привакась, что въ періодъ 30—дневнаго леченія я не могъ опредѣлить: улучшается ли мое состояніе, проходить ли болѣзнь, или нѣтъ. Такъ какъ при монастырѣ въ лѣтніе мѣсяцы живетъ фельдшеръ и каждаго прибывающаго для леченія вѣситъ, потомъ повторяетъ это при отправленіи пациента домой, то я могъ узнать только, что въ 30 дней вѣсу во мнѣ прибыло на 20 фунтовъ. По возвращеніи домой, я вступилъ въ отправленіе своей должности и съ тѣхъ поръ по настоящее время (2 года) исправляю свою ежедневную службу безоставовочно и безприсутственно.“
Прим. редакціи.

ствомъ, получая нерѣдко отъ него даже и врачебные совѣты.

Будучи отчасти знакомъ съ санитарно-экономическимъ бытомъ крестьянъ сѣверныхъ губерній, при возмутительно-жалкомъ еще до сихъ поръ положеніи врачебнаго дѣла среди нихъ, я не ошиб.сь, если скажу, что въ каждой волости найдется не мало такихъ страдальцевъ, которые, болѣя годы, перепробовали массу средствъ, побывали у всякаго мало-мальски извѣстнаго знахаря. Всякое новое средство, о которомъ они услышатъ, это тоже, что для утопающаго соломенья, за которую они хватаются, не жалѣя трудовыхъ грошей. (*)

Теперь понятно, на сколько велико значеніе сообщаемого случая. Если до сихъ поръ, основываясь только на слухахъ, дошедшихъ чрезъ 5—10 лицо, больные робко пріѣзжаютъ въ Корнильевъ монастырь иногда за 500 и болѣе верстъ, то теперь для нихъ дорога болѣе открыта: фактъ исцѣленія на лицо—обнародованъ въ печати. Нѣтъ сомнѣнія, мысль—побывать въ Корнильевомъ монастырѣ можетъ придти въ голову многимъ. Многіе страдальцы рады будутъ, не смотря на разстояніе, собравъ свои слабыя силы и трудовыя гроши, ухватиться за эту соломенку. Но многіе ли изъ нихъ получаютъ тамъ желаемое—это другое дѣло.

На сколько, при какихъ условіяхъ и въ какихъ случаяхъ можно рассчитывать на успѣхъ леченія при Корнильевомъ монастырѣ, я и считаю долгомъ поговорить здѣсь, стараясь, по возможности, быть понятнымъ для читателя, незнакомаго съ медициной.

Корнильевъ монастырь соединяетъ въ себѣ нѣсколько условий, способствующихъ успѣшному леченію нѣкоторыхъ болѣзней.

Первый и самый существенный цѣлебный дѣятель—это вода источника, находящагося вблизи монастыря. До сихъ поръ, хотя водой этого источника больные пользуются не одинъ десятокъ лѣтъ, не сдѣлано научнаго изслѣдованія воды, ея

(*) Такихъ больныхъ конечно не мало и въ городахъ, гдѣ во врачебной помощи нѣтъ недостатка.

состава и дѣйствія на организмъ. Правда, въ 1827 году провизоръ привилегированной аптеки въ Вологдѣ Штрукъ разлагалъ эту воду, но съ тѣхъ поръ составъ ея могъ значительно измѣниться (что составъ минеральныхъ водъ можетъ мѣняться съ годами—это фактъ, основанный на повторныхъ анализахъ воды одного и того же источника чрезъ нѣсколько лѣтъ на многихъ минеральныхъ водахъ), и потому полагаться вполне на цифры Штрука теперь было бы рискованно. (*)

Слѣдовательно, мы не знаемъ точно состава воды источника. Тѣмъ не менѣе судить приблизительно о дѣйствии ея можно, основываясь, кромѣ анализа Штрука, еще на нѣкоторыхъ свойствахъ ея, доступныхъ вниманію всякаго наблюдателя. Вода, взятая непосредственно изъ источника, прозрачна, съ едва замѣтнымъ неопредѣленнымъ запахомъ, котораго впрочемъ нѣкоторые вовсе не замѣчаютъ; вкусъ ея не представляетъ ничего особеннаго, температура ея низка (5 ° Реом.). Деревянные предметы, долгое время орошаемые ею, покрываются ржавчиной, что и служитъ вѣроятно основаніемъ какъ мѣстнымъ обывателямъ, такъ и многимъ больнымъ, считать эту воду желѣзестою. Большинство больныхъ, отправляющихся принимать ванны въ Корнильевъ монастырь, рассчитываютъ именно на благотворное дѣйствіе желѣза; между тѣмъ доказано, что желѣзо не всасывается неповрежденной кожей совершенно и все дѣйствіе его въ ваннѣ ограничивается незначительнымъ раздраженіемъ кожныхъ покрововъ. Фактъ этотъ.

(*) Попытки въ этомъ направленіи были дѣланы и въ недавнее время. Такъ известно, что покойный докторъ А. В. Соколовъ (бывшій помощникъ врачебнаго инспектора въ Вологдѣ) охотно брался за изслѣдованіе и устройство этого источника, но кто-то парализовалъ его попытку. Пишущій эти строки въ бытность свою въ 1882 году въ Петербургѣ нашелъ возможность поставить дѣло изслѣдованія воды Корнилевскаго источника на научную почву, заручившись согласіемъ одного профессора Медицинской Академіи изировать эту воду. Но возвратившись обратно и видя со стороны людей, близко причастныхъ къ этому дѣлу, полное равнодушіе къ освѣщенію научнымъ свѣтомъ этого темнаго угла, отложилъ свою попытку до болѣе счастливаго будущаго.

стоять въ наукѣ неизбежно, не смотря на единичныя заявленія о противномъ, являющіяся въ медицинской печати до самаго послѣдняго времени. Совсѣмъ другое дѣло при внутреннемъ употребленіи ея, которое почему-то мало практикуется въ Корнильевомъ монастырѣ. Естественная желѣзистая вода, особенно въ присутствіи поваренной соли (а она въ Корнильевской водѣ есть въ порядочномъ количествѣ по анализу Штрука) усваивается организмомъ гораздо легче, чѣмъ искусственныя препараты желѣза.

Сводя такимъ образомъ дѣйствіе желѣза въ ваннахъ при Корнильевомъ монастырѣ почти къ нулю, я тѣмъ не менѣе не оспариваю свойства воды источника, какъ и простой воды, быть полезной въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Вода—одна изъ стихій—есть могучій дѣятель въ природѣ, способный, если еѹ пользоваться умѣло, производить удивительныя эффекты. Въ медицинѣ она заняла видное и прочное положеніе въ ряду врачебныхъ средствъ, ставъ въ основу цѣлой системы врачеванія, называемаго *идротерапией*—водолеченіемъ. Въ болѣе-большахъ городахъ существуютъ цѣлыя заведенія, гдѣ лѣченіе водой примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—это водолечебницы.

Само по себѣ лечебное заведеніе при Корнильевомъ монастырѣ представляетъ жалкую водолечебницу, съ тѣми впрочемъ преимуществами, что больные, пользующіеся въ ней, живутъ внѣ города, въ условіяхъ слѣдовательно лучшихъ въ гигиеническомъ отношеніи, чѣмъ городскіе обыватели. Здѣсь примѣняется только одинъ способъ водолеченія—это ванны минимумъ отъ 5° и максимумъ выше 30° по Реом. О другихъ же способахъ, напр. душахъ, обтираніяхъ, различныхъ мѣстныхъ ваннахъ и проч. здѣсь и не знаютъ вовсе. И не удивительно, такъ какъ завѣдывають заведеніемъ братія монастыря, очевидно не имѣющіе общенія съ людьми, могущими содѣйствовать къ благоустройству и процвѣтанію учрежденія.

Не входя въ разборъ разныхъ несущественныхъ недостатковъ, бросающихся въ глаза посѣтителемъ водолечебницы,

я считаю нужным остановиться на одном важном обстоятельстве—это отсутствие врача при заведении. Мнѣ приходилось встрѣчать въ Корнильевомъ монастырѣ не мало больныхъ, пріѣхавшихъ изъ разныхъ губерній и ставшихъ положительно въ тупицѣ, узнавъ, что тамъ нѣтъ врача. Врачи, съ которыми они совѣтовались, убѣжая на воды, совершенно основательно отказывались дать имъ наставленія, не слышавъ вовсе о существованіи Корнилевскаго источника. Такимъ больнымъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или ѣхать во свояси или рѣшиться на издавна укоренившійся въ монастырѣ способъ леченія: начать съ теплыхъ ваннъ по двѣ въ день и, дойдя до ванны въ 14—19^о по Реом., закончить ваннами въ 5^о. Всѣ ли больные одинаково остаются довольны такими ваннами, вотъ примѣръ изъ нѣсколькихъ. Одна больная, пріѣхавшая въ Корнильевъ монастырь по наслышкѣ и, не зная свойствъ воды источника, безъ совѣта врача приступила къ леченію по этому способу. Послѣ нѣсколькихъ ваннъ она стала чувствовать себя гораздо хуже и, еслибы случайно не встрѣтилась со мной, уѣхала бы домой. Измѣнивъ леченіе, чрезъ 10 дней я услышалъ отъ нея, что ей лучше.

Кромѣ водолеченія, Корнильевъ монастырь полезенъ для больныхъ, какъ деревня со всѣми ея лѣтними качествами. Чистый, влажный воздухъ, отсутствіе городского шума и стука, полная свобода отъ обиденныхъ, ставшихъ многимъ не по дѣлу, занятій, наконецъ отсутствіе (конечно не для всѣхъ) всего того, что ранѣе, быть можетъ, ихъ возбуждало, тревожило, надѣдало—все это вмѣстѣ съ другими условиями благотворно вліяетъ на силы больного.

Наконецъ третье условіе, признаваемое и высоко цѣнимое многими больными, — это покровительство угодника Божія Корнилія. Масса больныхъ, получая тамъ облегченіе или полное выздоровленіе, славословятъ за это Преподобнаго. Самъ авторъ вышеупомянутой замѣтки въ концѣ ея восклицаетъ: „Благодареніе Богу и угоднику Его Преподобному Корнилію Комельскому. Въ ключѣ при обители сего угодника Божія я

обрѣлъ источникъ исцѣленія“. Я знаю, многие привѣщаютъ въ монастырь не съ цѣлю выдержать тамъ систематическое леченіе, а помолитвись Угоднику, только выкупаться въ водѣ источника.

Въ сущности, я не оспариваю проявленія всемогущества вошія въ видѣ чудеса чрезъ Угодника Его. Но какъ врачъ, тщательно слѣдившій за леченіемъ своихъ больныхъ въ Корнильевомъ монастырѣ, долженъ сказать положительно, что ничего чрезвычайнаго въ случаяхъ выздоровленія я не замѣчалъ. Поправлялись тѣ больные, болѣзни которыхъ была подходящая для леченія въ Корнильевомъ монастырѣ, если при этомъ леченіе велось тщательно, по указанію врача. Исцѣленіе самого автора замѣтки не представляетъ ничего особеннаго. Это былъ очевидно больной безъ существенныхъ поврежденій необходимыхъ для жизни органовъ, больной—приведшій три года болѣзни, судя по его служебному положенію (діаконъ), далеко не въ выгодныхъ для поправленія гигиеническихъ условіяхъ, больной съ ослабленнымъ питаніемъ и силами. Въ этомъ случаѣ укрѣпляющее дѣйствіе воды (*) источника съ пребываніемъ въ деревнѣ конечно не могло не подѣйствовать благотворно на его нервное ослабленіе.

Объясняя выздоровленіе, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, совмѣстнымъ дѣйствіемъ на организмъ разныхъ правильно примененныхъ цѣлебныхъ условій, я тѣмъ не менѣе послѣднему условію придаю должное значеніе, какъ психическому агенту, дѣйствующему благотворно на духъ больного, что чрезвычайно важно въ дѣлѣ врачеванія.

Покончивъ съ разборомъ цѣлебныхъ условій Корнильева монастыря, мнѣ остается еще привести перечень (къ сожалѣнію далеко не вполне понятный для читателя) болѣзней, которыя по моимъ наблюденіямъ съ успѣхомъ лечатся тамъ; ихъ

(*) Больной о. діаконъ въ своей замѣткѣ говоритъ, что, во время пребыванія своего въ монастырѣ, ежедневно принималъ въ теченіи 30 дней по двѣ холодныхъ (5° Реом.) ванны и вилъ по два стакана минеральной воды. *Прим. редакціи.*

не много: малокровіе, блѣдная немочь, истощеніе послѣ разныхъ болѣзней, не сопровождавшихся существенными поврежденіями необходимыхъ для жизни органовъ (сердца, легкихъ и проч.), застарѣлый ревматизмъ мышцъ и сочлененій, застарѣвшіе воспалительные процессы въ области женскихъ половыхъ органовъ, параличи, особенно ревматическаго происхожденія, безъ важныхъ измѣненій въ органахъ центральной нервной системы, истерія и нейрастенія (нервная слабость). (*)

Нѣтъ сомнѣнія, что результаты леченія всѣхъ этихъ болѣзней были бы еще болѣе плодотворны, чѣмъ теперь, еслибъ леченіе при монастырѣ было обставлено лучшими условіями и велось непременно подъ наблюденіемъ знающаго дѣло врача. Будемъ же ждаты этого!

Врачъ—акушеръ *В. Орнатскій.*

28 Января,
1884 года.

(*) Кромѣ указанныхъ болѣзней, вода Корнильевскаго источника съ особенною силою дѣйствуетъ благотворно еще на страдающихъ золотухою и цинготвою болѣзнію. См. Описаніе Корнильево—Комельскаго монастыря, изданное въ 1883 году, стран. 47. *Прим. редакціи.*

С о д е р ж а н і е:

1) Шестая годовщина Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Вологодской семинаріи.—2) Рѣчь о высшемъ мотивѣ благотворительности, сказанная въ день празднованія шестой годовщины Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Волог. семинаріи, 18 декабря 1883 года.—3) Нѣсколько словъ о цѣлебномъ источникѣ при Корнильево-Комельскомъ монастырѣ Вологодской епархіи.

Редакторъ **Н. Суворовъ.**

Дозволено цензурою. Февраля 14 дня, 1884 года. Вологда.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.